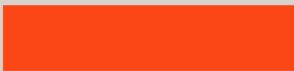

ЮРИЙ КАРЯКИН

ЛИЦЕЙ, КОТОРЫЙ
НЕ КОНЧАЕТСЯ

Юрий Федорович Карякин

Лицей, который не кончается

Серия «Диалог (Время)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61854631

Юрий Карякин. Лицей, который не кончается: Время; Москва; 2020

ISBN 978-5-9691-2040-2

Аннотация

«Пушкин – это просто нормальный русский человек в раздрызганной России». Это только одна из мыслей, поражающих простотой и очевидностью, к которым приходит автор этой книги – литературовед, писатель Ю. Ф. Карякин (1930–2011). Сборник состоит из заметок, размышлений Карякина о Пушкине, его роли в нашей истории, «странных сближениях» между Пушкиным и Гойей, Пушкиным и Достоевским. Основой книги стала неизвестная работа 70-х годов «Тайная вечеря Моцарта и Сальери». Что заставляет нас испытывать смятение от трагической фигуры Сальери? Почему он все-таки отравил Моцарта? Может, среди прочего потому, что Моцарт – личность, а именно личности в другом, другого в другом и не выносят такие, как пушкинский Сальери? Карякин пришел к выводам о послепушкинской России, получающим сегодня удивительные подтверждения.

Содержание

От составителя	5
Лицей, который не кончается	8
Пушкин начался для меня с Лицея	8
Пролог	16
Глава первая	18
Глава вторая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Карякин Лицей, который не кончается

Художественное электронное издание

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Оформление и макет
Валерий Калныньш

© Карякин Ю. Ф., наследники, 2020

© «Время», 2020

От составителя

Всю жизнь Ю. Ф. Карякин, занимаясь в основном Достоевским, хотел написать свою книгу о Пушкине. Время от времени, по его словам, он бежал от «угрюмого» имени Достоевского к «веселому имени Пушкин» (А. Блок). В 70-е годы, в «глухую пору листопада», он сделал с режиссером Андреем Торстенсеном на четвертом «учебном канале» телевидения две передачи «Лицей, который не кончается» и «Моцарт и Сальери». Ему хотелось, чтобы день пушкинского Лицея, 19 октября, «светло и грустно отмечался в наших школах, чтобы день этот вошел в душу ребят». И зернышко, брошенное в благодатную почву, проросло. 19 октября отмечали и отмечают в некоторых школах. А в знаменитой «Школе самоопределения», ее еще называют «школой Тубельского», чтут и по сей день традиции пушкинского Лицея.

«Входя в мир, – рассуждал Карякин, – русский человек, вне зависимости от своего социального происхождения или образования, встречается с Пушкиным так же, как с солнцем, с голубым небом, как с воздухом, которым дышит. Пушкин входит в него сразу, осознанно или неосознанно, да большей частью просто незаметно. И кажется ему, что Пушкин был – всегда. Наш мир без Пушкина немислим, как без

солнца, неба, “клеяких весенних листочков”¹. И только лишь потом, по мере осознания самого себя и судьбы России, начинаешь вдруг понимать, что нет и быть не могло твоей души и твоего духа без не замечаемого, как воздух и кислород, Пушкина. Россия без Пушкина? Нет России. Пушкин – лучший дар Бога для России, напоминание ей о том, какой могла бы она стать...»

Первое издание этой небольшой книги вышло в 2009 году еще при жизни автора, она очень быстро разошлась. Уже после ухода Юрия Федоровича из жизни его вдова, Ирина Зорина-Карякина, нашла в архивах неопубликованную работу «*Тайная вечеря Моцарта и Сальери*», над которой он работал почти пять лет. Она и стала основой для новой книги.

Что такое гений в прочтении Юрия Карякина? Это наивысшая степень совести: со-вести, со-страдания, которые не зависимы ни от каких времен и пространств. Пушкинское «*гений и злодейство две вещи несовместные*» Юрий Федорович преломляет через тождество: «*совесть и бессовесть-*

¹ Образ «клеяких весенних листочков» (один из редких пейзажных образов у Достоевского) – слова Ивана Карамазова из романа «Братья Карамазовы»: «Клеякие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что!» (книга пятая «Про и contra», ч. III, «Братья знакомятся» – см. *Достоевский Ф. М. Собр. соч.* в семи томах. М.: Лексика, 1996. Т. 6, с. 253). Образ этот – свидетельство того, как превосходно знал Достоевский пушкинские тексты и органично, осознанно или неосознанно, к ним прибегал. В данном случае он повторяет слова из стихотворения Пушкина 1828 года в народном стиле «Еще дуют холодные ветры»: «Скоро ль у кудрявой у березы / Распустятся клеякие листочки, / Зацветет черемуха душиста...». – *Примеч. авт.*

ность – две вещи несовместные». Он говорит о разоблачении самого обольстительного, но и самого рокового, самого дорогостоящего самообмана людей, за который пролито столько слез и крови, что они пропитали «всю землю от коры до центра». Карякин показывает взаимосвязь этих проблем у Раскольникова, Ивана Карамазова, Великого Инквизитора: каждый разрабатывает свой вариант, опровергающий Моцарта, каждый будет своему Моцарту отвечать: «Неправда».

Моцарт = Пушкин любит жизнь, до последней минуты он *творит жизнь*, «в этом главный его дар и счастье, в этом главная его мудрость и главная гениальность, в этом его бессмертие». Удивительны открытия Карякина: «Моцарт и Сальери» Пушкина он интерпретирует как гениально простой перевод «Тайной вечери», перевод с языка божеского, небесного на язык мирской, земной. «Моцарт и Сальери» и есть Тайная вечеря Творца Моцарта и «твари» Сальери, – убежден Карякин.

А сколько еще открытий таят в себе тексты Юрия Федоровича. Они требуют медленного, вдумчивого, внимательного прочтения. Но и отплатят сторицею. Подарят читателю новое прочтение русской классики, помогут найти и выстроить свои параллели между Пушкиным и Достоевским, Пушкиным и Гойей, Пушкиным и Пастернаком... Вперед, читатель! Следовать за мыслями великого Пушкина в преломлении Карякина-мыслителя – наука поистине занимательная.

Светлана Зорина

Лицей, который не кончается

Пушкин начался для меня с Лицея

В 70-х годах – время было довольно глухое – попал я в черные списки. Меня почти не печатали. Я начал преподавать литературу в школе и занимался этим, с перерывами, почти десять лет. Вел уроки по Достоевскому («Преступление и наказание») для старшеклассников и организовал специальные занятия по Пушкину. Рассказывал ребятам о Лицее и разбирал с ними «Моцарта и Сальери».

В 73-м году почти все наши академики единодушно осудили А. Д. Сахарова. Было очень тоскливо, и я подумал: ну хорошо, мы люди тертые, мы понимаем, как все это делается, ну а подростки, которые знали, что в оны дни люди отказывались от звания академика, когда им предлагали соучаствовать в деле некрасивом?.. А тут – какой наглядный урок преподан ребятам: высшая совокупная мысль (Академия наук!) судит человека за мысль и даже за право на свою мысль.

Так и случилось. На одном из уроков ребята сами стали задавать мне эти вопросы: «Как же так, все академики – против Сахарова. А вы говорили, что когда-то академики Чехов и Бунин вышли из Академии российской словесности, когда туда не выбрали Горького?»

И я вдруг вспомнил старый любимый факт: как в сентябре 1825 года Александр Горчаков (Князь, Франт), первый ученик, самый «политичный», самый «официальный» из лицеистов, секретарь русского посольства в Лондоне, будущий канцлер России, встречается с опальным Пушкиным в селе Лямонове. А 15 декабря того же 1825-го, рано утром, приезжает к Ивану Пущину, привозит ему заграничный паспорт и уговаривает бежать. Пущин наотрез отказывается, решив разделить судьбу друзей. И разделил, проведя в тюрьме и на каторге тридцать один год. Вспомнил еще, как даже Павел Мясоедов (Мясожоров), самый незаметный, скромный из лицеистов, не побоялся написать Пущину на каторгу письмо со словами участия, чем несказанно тронул Ивана Ивановича.

А еще вспомнил рассказ о том, как на исходе уже 20-х годов нашего века собрались самые последние лицеисты (какое же это было поколение?), собрались, конечно, 19 октября и... были все объявлены контрреволюционной организацией и арестованы. И Лицей пушкинский стал пепелищем, и эти «отеческие гробы» были поруганы...

Вспомнил я все это, и захотелось сделать для ребят что-то очень хорошее, а что может быть лучше самого Лицея? Идеал – вместо безобразия, красота – вместо некрасивости, причем красота не абстрактная, а воплощенная. Так появилась телепередача для школьников о пушкинском Лицее

с внутренним эпиграфом о достоинстве, о непредательстве (режиссер А. Торстенсен, исполняли О. Ефремов и В. Золотухин). Мне хотелось еще, чтобы передача шла под песню Б. Окуджавы «Союз друзей» («Поднявший меч на наш союз...»). Не разрешили. Тогда я встретился с Ю. Кимом, прочел ему композицию, мы поговорили об А. Д. Сахарове, и Юлик написал стихи «19 октября» (позже музыку к песне сочинил В. Дашкевич). Вот отрывок из песни:

...Все бы жить, как в оны дни,
Все бы жить легко и смело,
Не высчитывать предела
Для бесстрашья и любви
И, подобно лицеистам,
Собираться у огня
В октябре багрянолистом
Девятнадцатого дня.

Как мечталось в оны дни:
Все объаты новым знаньем,
Все готовы к испытаньям,
Да и будут ли они...
Что ж загадывать? Нет нүжды:
Может, будут, может, нет,
Но когда-то с нашей дружбы
Главный спросится ответ.

И судьба свое возьмет,

По-ямщицки лихо свистнет,
Все по-своему расчислит,
Не узнаешь наперед.
Грянет бешеная вьюга,
Захочет серый мрак,
И спасти захочешь друга,
Да не выдумаешь – как...

Эту песню тоже не разрешили.

Тем не менее «Лицей» шел на телевидении лет семь, а потом был снят, так как одному большому (и бывшему теперь) начальнику не понравилось то, как я пишу о... Достоевском. На телевидении это недовольство поняли как приказ закрыть все мои передачи («Лицей», «“Преступление и наказание”», «“Моцарт и Сальери”»). К счастью, журнал «Юность» в 1974 году (№ 6) напечатал сценарий передачи «Лицей, который не кончается...». Две другие телевизионные работы исчезли бесследно, их смыли.

Прошло много лет. Как-то, беседа с А. Д. Сахаровым, я вспомнил эту историю, рассказал ему, и вдруг оказалось, что песня Ю. Кима – одна из его любимых...

А еще, когда я делал телепередачу о Лицее, я мечтал о том, чтобы 19 октября светло и грустно отмечалось в наших школах. Эта мечта чуть-чуть сбылась: я знаю такую школу, где и в самом деле этот день вошел в душу ребят².

² Речь идет о знаменитой московской школе № 734 имени А. Н. Тубельского. Ее называют Школой самоопределения. Девиз школы – «Нет духа рабо-

Теперь же мечтаю о том, чтобы написана была такая книга о пушкинском выпуске Лицея, свободная вдохновенная книга, которая давала бы ребятам нашим духовный заряд на всю жизнь, и чтобы сделалась она *нашей семейной книгой*.

Кстати, пушкинский выпуск Лицея был, может быть, самым плодоносным вообще в истории школ (и не только русских). Тут тоже какая-то тайна, которую мы до сих пор не разгадали. Не ее ли отчасти имел в виду Пушкин, когда писал: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному...»³

Царскосельский лицей – прецедент абсолютно невысказанный. Как в крепостнической и самодержавной России возник этот островок свободы? В силу каких случайных причин получилось вдруг это абсолютно невысказанное чудо?

Что такое гений?

лепства» (слова первого директора Царскосельского лицея Василия Федоровича Малиновского). С середины 70-х годов здесь сложилась традиция ежегодно праздновать день открытия Царскосельского лицея – 19 октября. Его отмечают в школе литературно-музыкальными композициями, спектаклями и ежегодным балом. Отправной точкой для школьных литературных вечеров стала опубликованная в 1976 году в журнале «Юность» работа Ю. Карякина «Лицей, который не кончается...». В разные годы в школе побывали историк Натан Эйдельман, литератор Валентин Непомнящий, актер Анатолий Адоскин (он разыскал и подарил школе гимн лицеистов на слова Антона Дельвига), поэт и бард Юлий Ким, мастера художественного слова Александр Кутепов, Рафаэль Клейнер, Антонина Кузнецова и другие. – *Примеч. сост.*

³ Знаменитое пушкинское определение счастья – из письма П. В. Нащокину, март 1834 г. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Гений – это нежинский огурец. Знаете ли вы, что такое нежинский огурец? Где-то на Черниговщине среди лесов и равнин есть такой кусочек земли, где подземные воды текут как-то особенно, где случилось немыслимое сочетание случайности почвы, воздуха и воды, повторить которые невозможно. Именно там и только там и растут эти необыкновенные нежинские огурцы.

Вот нечто подобное произошло в Царскосельском лицее. На маленьком квадратике земли и в очень короткий срок был собран небывалый духовный урожай России. Пушкин, Дельвиг, Пущин, Горчаков, Кюхля...

Всем навигаторам и реформаторам просвещения стоило бы задуматься над этим.

Как, почему возродилось, окрепло и передалось по наследству одно из самых забытых и самоспасающих чувств – чувство дружбы, чувство непредательства?

Есть все-таки какое-то чувство родства между пушкинскими лицеистами и нами, есть, несмотря на эпохи, разделяющие нас, есть, несмотря на всю суетность, заставляющую не узнавать самое родное, – есть, несмотря ни на что. А иначе не стала бы случайная дата – 19 октября – живым, *своим* не только для них, лицеистов, но и для нас. Иначе не сделался бы и сам Пушкин нашим вечным Лицеем, Лицеем навсегда.

19 октября – тоже день рождения Пушкина, и по-своему не менее значительный, чем настоящий день его рождения.

Но и этот – тоже настоящий, день *духовного* рождения Пушкина.

Тынянов писал: «Была Арина и был Лицей. Не кончался».

Пушкин без Лицея, без Дельвига, Кюхли... – немыслимо. Для кого еще из наших художников явилось такое братство столь мощным истоком и непрерывной темой творчества? И кто не мечтал быть лицеистом? Кто не завидовал им самой доброй завистью?

19 октября, Лицей – это и есть прежде всего образ полнокровной и, главное, одухотворенной юности. Тут щедрость, щедрость – от богатства душевного. Тут святая, чисто юношеская надежда, вернее, не надежда – потребность отдать, а не взять, поделиться, а не утаить. Тут и безоглядное озорство – от избытка сил. Тут первичная прививка свободы и чести, совести и мужества. Тут первоначальный запас идеалов и верность идеалам... В конечном счете тут *культура*, та культура, без которой нет достоинства, нет «самостоянья» человека, без которой трудно или невозможно ориентироваться в мире этом, зато легко потеряться – *потерять себя* в нем, запутаться.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века,
По воле Бога самого,

Самостоянье человека,
Залог величия его.]
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как <...>⁴ пустыня
И как алтарь без божества.

«Пушкин – наше все», – сказал Достоевский. И дело далеко не просто в поэзии, в литературе, в языке русском: как Лицей Пушкину, так и Пушкин России задал духовные ориентиры, задал на всю жизнь.

Пушкин прожил свое 19 октября, можно сказать, сполна. И это, конечно, неповторимо уже никогда. И в то же время в чем-то обязательно повторимо. У каждого человека, у каждого из нас есть, может быть, должно быть *свое* 19 октября, хоть час от него, хоть минута. А без этого человек болен, у него какой-то авитаминоз духовный, он несчастен, непоправимо обеднен, опасен даже – и для себя, и для других.

Перечитаем же несколько страниц этой знакомой нам с детства истории, *нашей* истории – веселой, прекрасной и трагической.

⁴ Так у Пушкина. Возможно, здесь пропущено – *без оазиса*. Но при всей соблазнительности этой гипотезы кто может взять на себя смелость дописать что-либо за Пушкина?

Пролог

19 октября 1836-го. Из «Протокола⁵ празднования 25-летней годовщины основания Лицея».

«Собрались господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом:

1. Обедали вкусно и шумно.
2. Выпили три здравия (по-заморскому – toasts):
 - а) за двадцатипятилетие Лицея,
 - в) за благоденствие Лицея,
 - с) за здоровье отсутствующих.
3. Читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей.
4. Читали старинные протоколы, песни и проч. бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева.
5. Поминали лицейскую старину.
6. Пели национальные песни.
7. Пушкин начинал читать стихи на 25-летие Лицея, но всех стихов не припомнил <...>

Примечание. Собрались все к половине пятого часа, разошлись в половине десятого».

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,

⁵ До 6-го пункта Протокол вел Пушкин, дальше – Яковлев.

И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здоровье надежды
И юности и всех ее затей...

«Пушкин начинал читать стихи... но всех стихов не припомнил...» – Яковлев, вероятно, не захотел, не смог тогда сказать всю правду. Но умолчание его целомудренно. Позже лицейский староста засвидетельствовал: «Только что он начал, при всеобщей тишине, как слезы покатались из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван...» Другой товарищ продолжил чтение...

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим...

Глава первая

Зорю бьют...

Канун открытия Лицея. Из дневника Куницына, профессора нравственных наук. «Спрашивал Малиновского (первого директора Лицея. – Ю. К.). У него большие планы. Создание общего духа, воспитание без лести, раболепства, короче, воспитание *достоинства*» (Ю. Тынянов, «Пушкин»).

«В одну ночь написал свою речь. Не знаю, как примут. Писал при свете ночника, со слезами».

19 октября 1811-го. День открытия Лицея. Из речи Куницына. «Какая польза гордиться титлами, приобретенными не по достоянию, когда во взорах каждого видны укоризна или презрение, хула или нарекание, ненависть или проклятие? Для того ли должно искать отличий, чтобы, достигнув оных, страшиться беславия?»

...Куницыну дань сердца и вина!

Он создал нас, он воспитал наш пламень,

Поставлен им краеугольный камень,

Им чистая лампада возжена...

Из «Записок о Пушкине» И. Пущина. После торжественного обеда, «сбросив парадную одежду, мы играли перед Лицеєм в снежки... и тем заключили свой праздник... Тот год рано стала зима...»

«Над дверью была черная дощечка с надписью: № 13. Иван Пущин; я заглянул налево и увидел: № 14. Александр Пушкин. Очень был рад такому соседу...»

Скоро все лицеисты объявили себя «скотобратцами» и, как водится, наделили друг друга прозвищами. Вильгельм Кюхельбекер – Виля, Кюхля. Антон Дельви́г – Тося. Михаил Яковлев – Буффон, Паяс двести нумеров (изображал в лицах чуть ли не двести человек). Иван Малиновский (сын директора) – Казак, за молодечество и верность дружбе. Александр Горчаков – Князь, Франт. Константин Данзас – Медведь (одновременно отчаянный и какой-то флегматичный). Федор Матюшкин – Матюшко. Павел Мясоедов – Мясожоров. Николай Корсаков – Трубадур (лучше всех пел, аккомпанируя себе на гитаре). Модест Корф – Дьячок-мордан (дьячок – потому, что любил читать церковные книги, а мордан по-французски то же самое, что по-русски – ехидна). Иван Пущин – Большой Жанно. Александр Пушкин – Француз (французский знал тогда не хуже русского), Егоза, Тигр, Обезьяна, а еще – Смесь обезьяны с тигром...

Большой Жанно
Мильон бонмо

Без умыслу говóрит,
А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет...

Это и были так называемые *национальные песни*.

Название это «всего вероятнее объяснить тем, что у воспитанников Лицея было в большом ходу изображать свой Лицей в виде как бы государства (республики), подразделяя обитателей на нации... Национальные песни импровизировались у нас обыкновенно изустно, целой толпой» (К. Грот, «Пушкинский Лицей»).

Рядом с Лицеєм были расположены гвардейские части.
«Зорю бьют.

Первый звук трубы, унылый, живой, и сразу потом – тонкий, точный, чистый, голосистый звук сигнального барабана.
Зорю бьют...» (Ю. Тынянов, «Пушкин»).

Когда до Царского Села дошла весть о сдаче Москвы войскам Наполеона, весть о том, что Москва горит и сады обуглились, лицеисты не спали ночами, многие плакали...

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Однажды Илья Пилецкий, гувернер, брат самого Мартина Пилецкого (иезуита, инспектора-надзирателя), попытался отобрать у Дельвига какое-то сочинение и вдруг «получил прямой отказ и даже ощутил толчок со стороны. Мартинов брат уверял, что пнул его Пушкин, который тут же с блестящими глазами, раздутыми ноздрями, задыхаясь и с бешеным видом наскакивал на него, крича: “Как вы смеете брать наши бумаги?.. Значит, и письма наши из ящика будете брать?..”» Илья сбежал. Но, опомнившись, лицеисты увидели вдруг Мартина Пилецкого. «Они его ненавидели и были готовы на все... Пушкин исподлобья, волчонком смотрел на него. Глаза его блестели, он видимо побледнел. Длинные руки воспитанника Кюхельбекера болтались».

Вдруг Дельвиг, самый спокойный из всех, объявил, что если... если будут читать их бумаги... то... то они все тотчас же покинут лицей... И тут что-то смутилось, сломалось в душе иезуита. Сдался Мартин! Да как! Он покинул лицей. В тот же самый час! Они увидели его отъезд в окно... «Пушкин вдруг засмеялся, как смеялись Ганнибалы: зубами. Это была его первая победа». После этого случая Пушкин и получил прозвище Тигр или Смесь обезьяны с тигром...

Лицеистам дали задание – сочинить стихотворение о восходе солнца. Мясоедов (Мясожоров) написал одну строчку:

Блеснул на западе румяный царь природы...

Дальше ничего не мог придумать. Кто-то (точно неизвестно, возможно и Пушкин) закончил:

Блеснул на западе румяный царь природы.
И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать или вставать?..

Из записок Пущина. «Я, Малиновский и Пушкин за-
теяли выпить гогель-могелю. Я достал рому, добыли яиц,
натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара.
Разумеется, кроме нас, были и другие участники... Дежур-
ный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление,
шумливость, беготню. Сказал инспектору... Тут же начались
спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше
дело и что мы одни виноваты».

В наказание их сместили на последние места за столом, но
по истечении некоторого срока постепенно подвигали опять
вверх. При этом Пушкин сказал:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе;
Как лексикон,
Растолстеет он...

Пушкин, Малиновский и Пущин влюблены были в Ка-
теньку Бакунину, фрейлину императрицы, таились друг от

друга, открывались и снова затаивались.

Пушкин. Из лицейского дневника. 29 ноября 1815-го. «Поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, – сладкая минута! <...> Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов – ах! какое положение, какая мука! Но я был счастлив 5 минут...»

В Лицее были свои первые ученики, «первые нации» (Горчаков, Кюхельбекер) и последние (Мясоедов, Пушкин – четвертый с конца).

...Этот список сущи бредни,
Кто тут первый, кто последний,
Все нули, все нули,
Ай люли, люли, люли!

Пусть об нас заводят споры
С Энгельгардтом профессоры.
И они ведь нули,
Ай люли, люли, люли!..

(Из национальных песен)

Первый директор Лицея Малиновский, умирая, сказал

Куницыну, спутав его с кем-то в бреду: «Ваше превосходительство! Во вверенном мне воспитательном учреждении есть главное – нет духа раболепства» (Ю. Тынянов, «Пушкин»).

Новый директор, Егор Антонович Энгельгардт, в день окончания Лицея 7 июня 1817-го подарил всем лицеистам первого выпуска чугунные кольца – знак крепости дружбы. И будут называться они «чугунники». Потом решат в день 19 октября 1827-го отметить «серебряную» дружбу (десять лет окончания Лицея), а в 1837-м «золотую» (двадцатилетие окончания).

Не пугай нас, милый друг,
Гроба близким новосельем:
Право, нам таким бездельем
Заниматься недосуг.
Пусть остылой жизни чашу
Тянет медленно другой;
Мы ж утратим юность нашу
Вместе с жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы
Мы присядем на порог;
У пафосския царицы
Свежий выпросим венки,
Лишний миг у верной лени,
Круговой нальем сосуд –
И толпою наши тени
К тихой Лете уйдут.

Смертный миг наш будет светел:
И подруги шалунов
Соберут их легкий пепел
В урны праздные пиров.

«О, это голова важная! Вы человек не простой! Вы проживете долго, если не случится с вами беды от белой лошади, белой головы или белого человека» (немецкая прорицательница Кирхгофф – Пушкину. По воспоминаниям современников).

Из записок современников. Около 1818-го. «Кюхельбекер хаживал к Жуковскому и отчасти надоедал ему своими стихами. Однажды Жуковский куда-то был зван на вечер и не явился. Когда его после спросили, отчего он не был, Жуковский отвечал: “Я еще накануне расстроил себе желудок; к тому же пришел Кюхельбекер, и я остался дома”. Пушкин написал на это стихи:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И *кюхельбекерно* и тошно!..

Кюхельбекер взбесился и потребовал дуэли... Секундантами были Пущин и Дельвиг. Кюхельбекер стрелял первый и дал промах (секунданты зарядили пистолеты клюквой; по

другой версии, вообще не зарядили. – Ю. К.). Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища; но тот неистово закричал: “Стреляй, стреляй!”» «“Полно дурачиться, милый, пойдем чай пить“», – сказал Пушкин (по другой версии, вино пить. – Ю. К.). «Они тотчас же помирились...»

Из записок современника. Около 1819-го. Пушкин и барон Корф жили в одном и том же доме. Корф избил пушкинского камердинера. Побитый пожаловался Пушкину. «Александр Сергеевич вспылил в свою очередь и, заступаясь за слугу, немедленно вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Модест Андреевич отвечал также письменно: “Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер”».

Из воспоминаний Корфа. «Пушкин ни на школьной скамье, ни после, в свете, не имел ничего любезного и привлекательного в своем обращении. Беседы, ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсем не было, как не было и дара слова...»

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.

Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой.
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья...

«...Снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности отправить его на службу на юг!» «Он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает» (Александр I).

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово *пей!*
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей.
А кружок бутылок тесен.

6 мая 1820-го Пушкин выезжает из Петербурга в ссылку. Провожают его Дельвиг и Яковлев, провожают до Царского Села, до Лицея.

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих –

Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой...

Глава вторая

Роняет лес багряный свой убор...

Пушкин. «Я в совершенном одиночестве... и у меня буквально нет другого общества, кроме моей старой няни и моей трагедии («Борис Годунов». – Ю. К.); последняя подвигается вперед, и я доволен ею... Я чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития и что я могу творить»⁶.

19 октября 1825-го

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье.
Минутное забвеньё горьких мук...

...Я пью один, и на берегах Невы

⁶ Пушкин – Раевскому-сыну, вторая половина июля 1825 г.

Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах. с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит⁷, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом...

Пушкин не предвидел, что слова его найдут отклик. Энгельгардт писал 30 августа 1835-го: «Вчера я имел от Горчакова письмо и рисунок маленького памятника, который поставил он бедному нашему трубадуру Корсакову под густым кипарисом близ церковной ограды во Флоренции. Этот печальный подарок очень меня обрадовал».

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный

⁷ Николай Корсаков, Трубадур. Умер и похоронен во Флоренции.

И вечный лед полунощных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!..

Федор Матюшкин, Матюшко. Моряк, кругосветный путешественник, герой морских сражений, будущий адмирал. Есть в заливе Восточно-Сибирского моря на Чукотке мыс Матюшкина. И это по его, Матюшкина, мысли первый памятник Пушкину поставлен будет именно в Москве, на Тверском.

...Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...

С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет.
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я...

Первым приехал Иван Пущин.

С тремя бутылками шампанского «Клико» рано утром января 11-го Большой Жанно вломился в ворота Михайловского и увидел на крыльце Пушкина, босиком, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками...

«Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе...»

«Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором – и полицейским и духовным?» – «Все это я знаю, но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении...» (И. Пущин, «Записки о Пушкине».)

День пролетел, как миг. А ночью...

«Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилоьсь: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем... Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него; он остановился на крыльце со свечью в руке. Кони рванули под гору...»

А через три месяца, в апреле 1825-го, в Михайловское приезжает Дельвиг, Тося (тоже несмотря ни на какие предостережения), и проводит у Пушкина неделю.

Наконец, в сентябре Горчаков, Князь, Франт, тогда секретарь русского посольства в Лондоне, оказывается в селе Лямоново, в 18 верстах от Михайловского, и тут же дает знать о себе Пушкину, и они тоже встречаются.

Пушкин ждал, что вместе с Пуциным его навестит еще и Малиновский – Казак:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, наш казак, и пылкий и незлобный,
Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?..
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.